

УДК 903'12

Д.Л. Бродянский, В.А. Раков*Дальневосточный государственный университет**ул. Суханова, 8, Владивосток, 690600, Россия**E-mail: vokar@mail.primorye.ru*

ДРЕВНЕЙШИЕ ЛОДКИ И МОРЕХОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПАСИФИКИ*

Введение

На XIV Тихоокеанском научном конгрессе выдвигались предположения о верхнепалеолитическом (40 – 35 тыс. л.н.) происхождении морской адаптации, мореходных судов и навигационных познаний у населения Тихоокеанского побережья Аляски и Канады и морских миграциях вдоль западного побережья Тихого океана из южных районов – от Японии и Китая [Айгнер, 1979; Флэдмарк, 1979]. В капитальной сводке П. Беллвуда [Беллвуд, 1986] убедительно показано, что заселение Океании, ее самых удаленных островов (Новая Зеландия, о-в Пасхи), происхождение аустронезийских языков, генезис культур меланезийцев, микронезийцев, полинезийцев связаны с материковой Юго-Восточной Азией, с ее палеолитическими и мезолитическими культурами. Оба направления миграций – северное, вплоть до полярных районов, и восточное, преимущественно в тропическом поясе, – требовали от человека развития судостроения и навыков навигации и привели к созданию целого спектра мореходных судов. Высшими достижениями древних судостроителей стали байдарки-каяки, байдары на севере и лодки с аутригером, катамараны, многоместные каноэ на юге. Байдарки-каяки у алеутов были одно- и двухключными [Ляпунова, 1975, с. 90]. В XVIII в. появились байдарки-тройки. Одиночка была основной промысловой лодкой, двойка – учебной и промысловой. Открытая байдара на шесть – восемь гребцов у алеутов в основном использовалась как транспортное судно, у эскимосов и береговых чукчей

байдара была главным судном при охоте на китов и моржей [Арутюнов, Сергеев, 1969, с. 127; Богораз, 1991, с. 65 – 73, табл. XI]. На таких судах ходили на сотни миль в любую погоду, ориентировались в тумане по полету птиц и течениям. При сильной волне по бортам крепили поплавки из нерпичьих шкур или желудка сивуча, которые обеспечивали плавучесть, даже если лодка наполнялась водой. В непромокаемой одежде, с затянутым герметично люком байдарки алеут и эскимос могли одним движением поставить перевернувшуюся лодку на киль и продолжать плавание. Течь умели заделать на плаву.

Весла были двухлопастные, гребсти случалось до 20 ч. кряду. Шли со скоростью 4 – 5 узлов [Ляпунова, 1975, с. 93 – 101]. Алеутская байдарка-одиночка была длиной до 6 м. Деревянный решетчатый каркас набирали из легких прочных планок, вставляли костяные пластины-амортизаторы, форштевень делали раздвоенным по вертикали – с выступом-волнорезом внизу, корма была косо срезана. В.С. Лафлин назвал байдарку “инженерным триумфом алеутов”. Эскимосы делали корму каяков острой: теряли в скорости, но зато между льдин можно было дать задний ход. Каркас связывали волокнами китового уса, обтягивали шкурой лахтака, реже – нерпичьей, для больших байдар использовали расщепленную моржовую шкуру. Сшивали сухожилиями, швы промазывали жиром. Обшивку ежегодно меняли, следили за ее сохранностью, на нос байдары одевали специальный предохранительный чехол [Арутюнов, Сергеев, 1969, с. 113, 127]. На таких суденышках охотились на 150-тонных гренландских китов.

Первые обитатели Полинезии, по П. Беллвуду [1986, с. 324 – 326], появились на о-ве Тонга в середине II тыс. до н.э., в последующие 2 тыс. лет их по-

* Авторы благодарят Л.П. Ходзевич за рисунки, С.В. Батаршева, А.А. Крунянко, О.Л. Мореву, А.Н. Попова за помощь в сборе материалов.

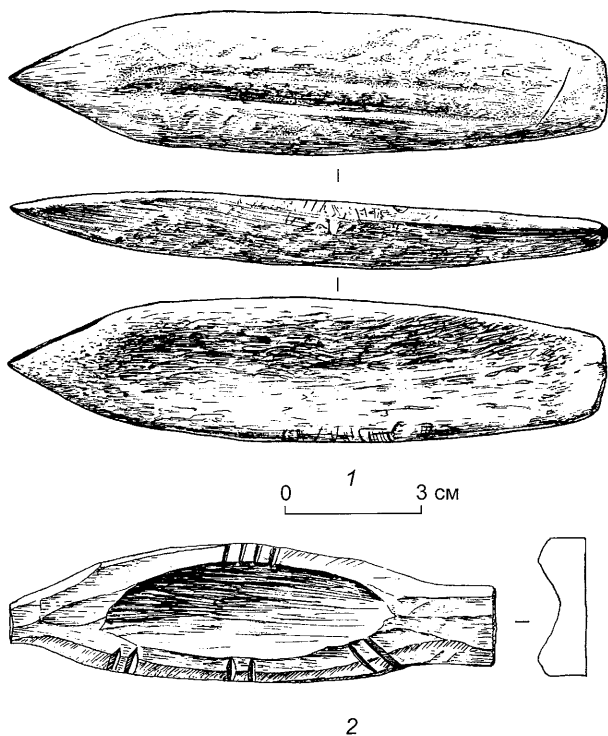

Рис. 1. Модель лодки (рог) из погр. 7 второго могильника Бойсмана II (1) и лодка-рыбка (дерево) для "кормления" Хозяина рыб с нижнего Амура (по А.Ф. Старцеву) (2).

томки заселили огромный треугольник, вершины которого составляют Гавайи, о-в Пасхи и Новая Зеландия. Балансир, придававший лодке устойчивость, был важнейшим изобретением, предшествовавшим освоению Океании. Наиболее совершенные в Океании суда строили в Микронезии. У микронезийских лодок нос не отличался от кормы. Треугольный парус наклоняли то в одну, то в другую сторону, поворачивая его вокруг мачты, по скорости и маневренности эти лодки не имели себе равных. Самыми грузоподъемными были двухкорпусные фиджийские друа, которые могли взять на борт до 200 чел. Корпуса были разными по длине, треугольный парус позволял менять направление хода на противоположное, не разворачиваясь. На о-вах Общества были двойные лодки длиной до 30 м, нос и корма, украшенные резьбой, возвышались до 8 м. Дж. Кук в 1774 г. видел на Таити флот из 160 гребных катамаранов и 170 грузовых парусных лодок, на судах этого флота находилось 7 760 чел. [Там же, с. 326]. Обширная литература, привлеченная П. Беллвудом, не содержит сведений об истоках океанийского судостроения, лишь признает его азиатское происхождение.

Древнейшая навигация аборигенов существовала задолго до появления в Тихом океане европейцев, и уникальные методы проложения курса в открытом

море без применения технических средств описаны в работе Д. Льюиса [Льюис, 1995]. Первые навигационные карты появились в ханском Китае в первой половине II в. до н.э. [Крюков и др., 1983, с. 40 – 41]. Как на побережье, так и в океане миграционные процессы в позднем неолите и раннем железном веке происходили целенаправленно.

Новые материалы

Авторы в материалах археологических памятников Приморья, Сахалина и других территорий на побережьях Японского и Охотского морей обнаружили ряд новых сведений, полезных для воссоздания истории судостроения и навигации в северо-западной части Тихого океана. В первую очередь, это материалы из Бойсмана II – уникального памятника на берегу бухты Бойсмана (залив Петра Великого, Японское море). В полутораметровой пачке слоев нижнего из трех культурных горизонтов Бойсмана II обнаружены отложения раковин (раковинные кучи), преимущественно из створок *Crassostrea gigas*, два могильника и два жилища. Рядом в устье р. Рязановки сохранились устричники, из которых и были добыты, а точнее, выращены, культивированы тонны тихоокеанских устриц, – древнейшие на сегодня свидетельства аквакультуры (6 500 – 4 800 л.н.). В сезонном лагере на берегу лагуны селились люди, промышленлявшие ларгу, котика, сивуча и временами серого кита, ловившие в огромном количестве пелингаса и еще 15 видов рыб, охотившиеся на оленей, косуль, кабанов. Из домашних животных у них была, по крайней мере, собака.

В двух могильниках погребены арктические монголоиды [Попов и др., 1997]. Черепа с искусственной деформацией, поворотные гарпуны, украшения для губ – лабретки, образы Ворона, Хозяйки моря – персонажей берингийской мифологии [Мелетинский, 1979], запечатленные в искусстве, – все это подтверждает связь бойсманских могильников с генезисом северян – чукчей и эскимосов. Тем интереснее открытие моделей лодок в погребальном инвентаре бойсманцев.

Первая модель найдена в комплексе вторичного погребения № 7 второго могильника, возле скопления камней, на которых размещались фрагменты человеческого скелета: коленная чашечка, фаланги пальцев. Модель лодки-долбленки (рис. 1, 1) вырезана из расщепленного оленьего рога, снаружи отшлифована, размеры 130 × 31 (по миделю) × 11 мм. Нос острый, корма прямо срезанная, днище слабовыпуклое (плоскодонка), кокпит неглубокий – 85 × 20 × 5 мм. Ширина и высота бортов 4 мм. На носу и корме небольшие площадки.

Вторая модель была найдена еще в 1992 г. при раскопках первого могильника (групповое погребение № 3), но идентифицирована как изображение лодки

С.В. Батаршевым только после определения первой модели. Она также вырезана из оленьего рога (рис. 2, 1), размеры $121 \times 20 \times 11$ мм, нос и корма подшлифованы. Изображена долбленка с острым носом, слегка зауженной, прямо срезанной кормой. Размеры кокпита $100 \times 10 \times 7$ мм.

Если первая модель воспроизводит мелкосидящую и относительно широкую лодку для плавания по лагуне и реке, то вторая – узкий быстроходный каяк с более глубоким кокпитом и высоким бортом, на такой лодке бойсманцы могли выходить в море к близлежащим островам с их птичьими базарами, к лежбищам ларги, плавать вдоль побережья и совершать достаточно длительные переходы. В погр. 7 второго могильника найден также вырезанный из рога предмет, отдаленно напоминающий двухлопастное весло: один конец оформлен как голова змеи, другой – рыбы, посередине сужение. Впрочем, нельзя исключить и использование однолопастных весел-гребков.

Кроме моделей в Бойсмана II найдены и своеобразные символы лодок, изготовленные из ребер кита (рис. 3, 1; 4), всего таких предметов в погр. 7 второго могильника найдено три, в двух случаях внешний абрис глубоководной лодки сочетается с изображением животных: медведя, кабана, кита. На периферии того же погребения в прокаленной полосе, пересекающей весь второй могильник, был положен массивный лодкообразный камень – блок пермского песчаника, $423 \times 145 \times 115$ мм. На верхней широкой плоскости выскоблены девять ямок, на узких (подшлифованных) – по две, диаметр ямок 3 – 8 мм.

Очевидно, что лодки, как и в целом занятия, связанные с морем, играли в жизни и погребальном обряде бойсманцев заметную роль. Цепь памятников с типологически близкой бойсманцам керамикой тянется вдоль всего восточного побережья Корейского полуострова. На юге этого побережья вблизи залива Ульсан на скале в Бангу-Де в неолите (примерно в то же время, когда существовала бойсманская культура) были выбиты изображения акул, дельфинов, косаток, китов, рыб с точными видовыми признаками морских животных. Есть сцена охоты на кита: в лодке с приподнятыми носом и кормой, кроме гарпунера, еще 18 чел. [Hwang et al., 1984]. В неолите Северной Японии открыты древнейшие поворотные гарпуны, в позднем дзёмоне они достигают сложности алеутских [Окладников и др., 1980, с. 72 – 74]. Южнее, в районе Канто обнаружены сохранившиеся неолитические деревянные долбленки типа бата, с округлыми носом и кормой, с низкими бортами, длиной 6 – 8 м. Весла лопатообразные, с короткой ручкой, длина до 1,2 м [Там же, с. 75]. Деревянные весла известны также в древнекитайской культуре лянчжу, существовавшей около 4 – 4,5 тыс. л.н. [Крюков и др., 1978, с. 266].

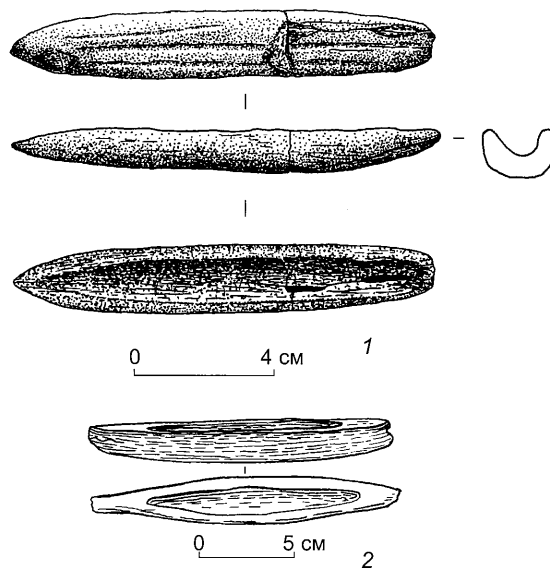

Рис. 2. Модели лодок (рог) с первого могильника Бойсмана II (1) и из Сиреников (2) (по: [Диков, 1977]).

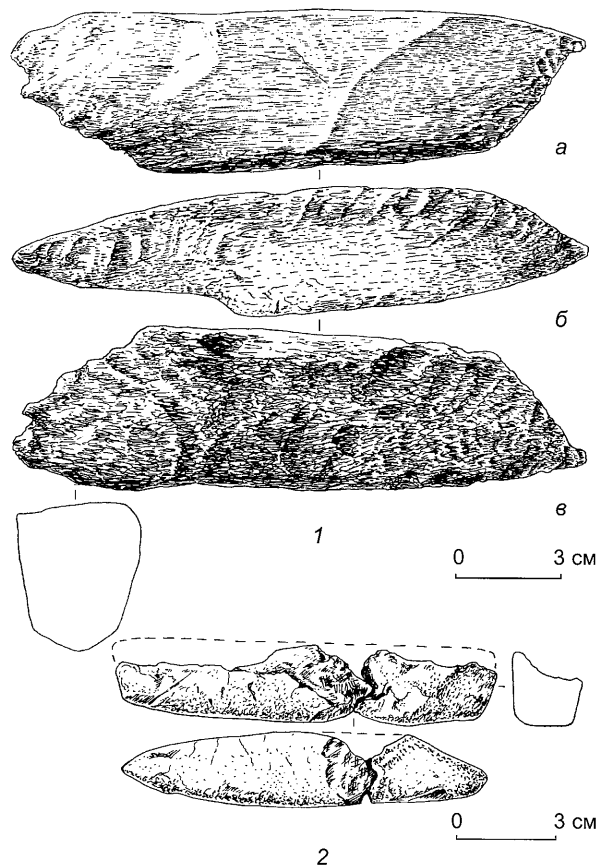

Рис. 3. Полиэikonическая фигура из кости кита из Бойсмана II (1) и модель лодки (керамика) с поселения Гасы (Сакачи-Алян) (2) (по: [Деревянко, Медведев, 1993]). а – лодка, б – кит, в – медведь (слева) и кабан (справа).

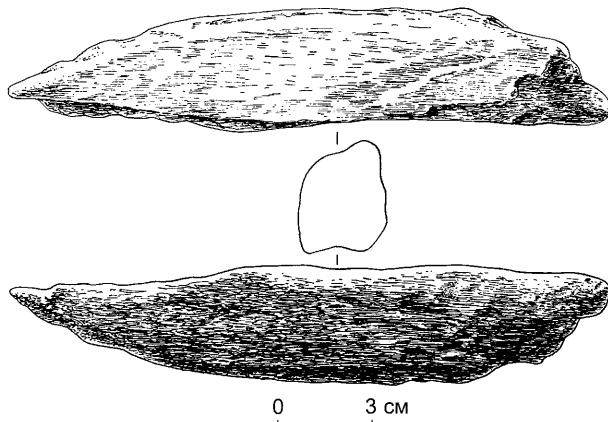

Рис. 4. Изделие из кости кита: верх – кит, низ – лодка. Бойсмана II.

Накопленные сейчас материалы по неолиту стран Японского моря свидетельствуют о том, что в период голоценового оптимума, с VI тыс. до н.э. в этом районе Тихоокеанского побережья развивались культуры морских охотников, рыбаков, по крайней мере часть из них занимались аквакультурой – контролируемым человеком воспроизводством моллюсков. Свидетельства судостроения, отраженные в наскальных рисунках [Окладников, 1971; Hwang et al., 1984] и моделях [Деревянко, Медведев, 1993, рис. 52, 7], существенно дополненные бойсманскими находками, лишь приближают нас к пониманию глубины и уровня этой сферы культуры, достигнутых в каменном веке.

Проделанный недавно одним из соавторов [Раков, 2001] анализ материалов из заливов Терпения на Сахалине [Федорчук, 1998], Чихачева и Совгавани в Хабаровском крае показал, что в неолите были успешно осуществлены опыты интродукции, акклиматизации и культивирования хоккайдской расы тихоокеанских устриц далеко на севере, куда естественным путем личинки устриц проникнуть не могли. Возможные возражения относительно более теплых климата и воды в голоценовом оптимуме снимаются данными палеогеографического анализа [Микишин, Гвоздева, 1996]. Карта течений (рис. 5) свидетельствует, что только люди в лодках, может быть, типа, переданного во второй бойсманской модели (см. рис. 2, 1), могли перевезти и поселить устриц в цепи хорошо прогреваемых лагун и озер на Сахалине и побережье Татарского пролива.

При дальних переходах на лодках вдоль берегов древние люди, несомненно, использовали общее направление морских течений, скорость которых часто превышает 1 м/с. Например, продвижение на лодках на север вдоль открытого побережья Приморья практически невозможно из-за мощного Приморского течения. В то же время плавание на север вдоль запад-

ных берегов Японских островов облегчает Цусимское течение. В Татарском проливе за счет циклонического течения Шренка удобнее передвигаться на лодках на север вдоль побережья Сахалина, пересекать пролив в западном направлении на севере, а в восточном – на юге (см. рис. 5). Поэтому знание этих течений позволяло в древности довольно легко совершать морские переходы с Сахалина на материк и обратно.

Морские течения, очевидно, не только способствовали, но и ограничивали распространение приморских культур. Например, мощное течение Соя проходит лишь вдоль северного побережья Хоккайдо с запада на восток, соединя Южный Сахалин и Южные Курилы.

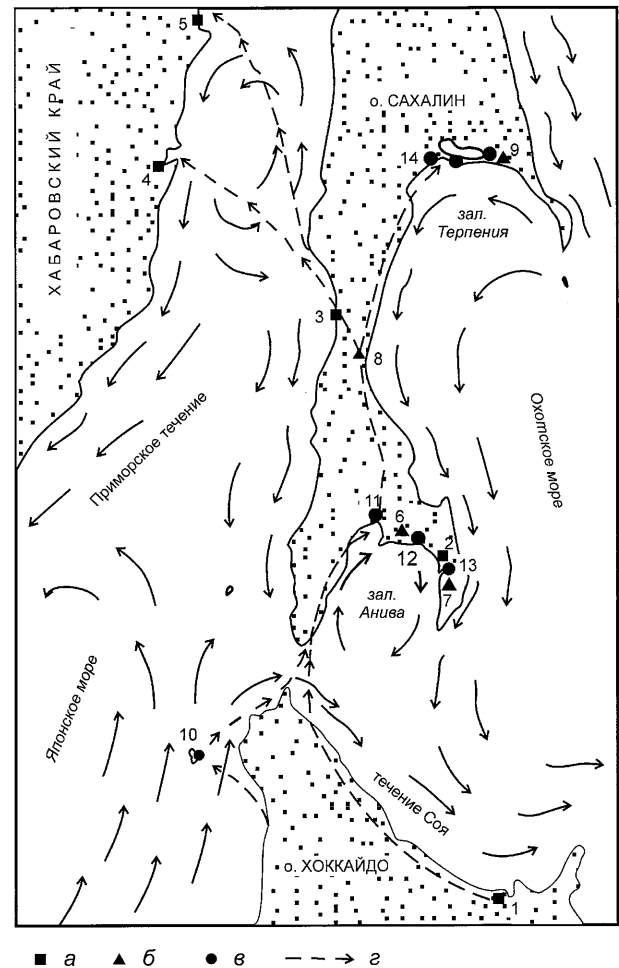

Рис. 5. Карта-схема распространения устриц *Crassostrea gigas* и современных течений.

a – современные устричники: 1 – оз. Сарома, 2 – лаг. Буссе, 3 – западное побережье, 4 – зал. Советская гавань, 5 – зал. Чихачева; *b* – устрицы в голоценовых отложениях: 6 – р. Меря, 7 – р. Игривая, 8 – р. Мануй, 9 – зал. Терпения; *c* – стоянки с раковинными кучами: 10 – Фунадомари, 11 – Сусуйская, 12 – Озерск, 13 – Анфельдиево-2, 14 – оз. Невское; *z* – возможные пути интродукции устриц.

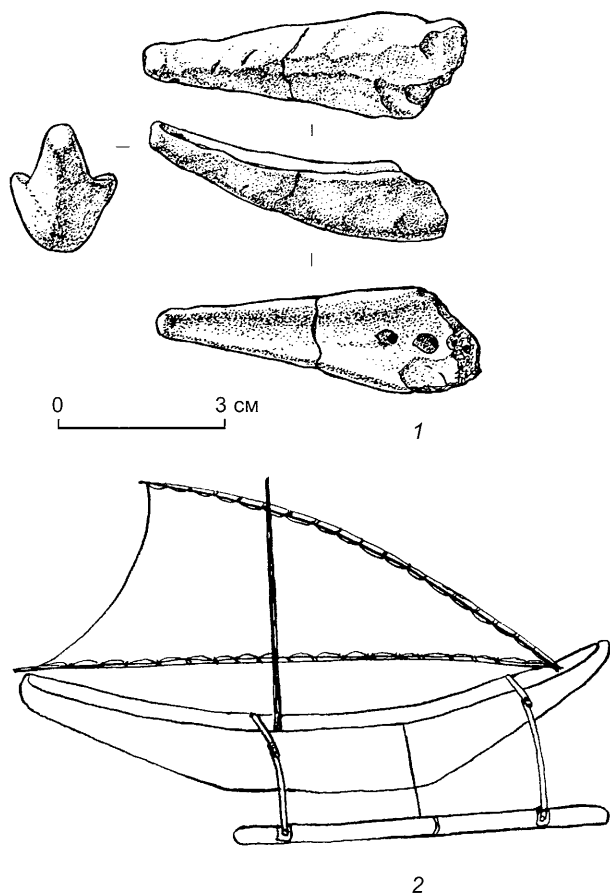

Рис. 6. Модель лодки (керамика) из бухты Теляковского (1) и реконструкция такой лодки, типа индонезийской прао (2) (по: [Бродянский, Крупянко, 2001]).

Поэтому некоторые культуры позднего неолита и палеометалла (например, охотская) получили распространение только в пределах этого региона. Несомненно, что вместе с человеком были перевезены на лодках и некоторые одомашненные животные (собака, свинья и др.), культурные растения, водные организмы. Особенно это касается жизненно необходимых пищевых объектов. На Хоккайдо и всем Японском архипелаге в неолите существовала аквакультура.

Еще одна модель лодки найдена Д.Л. Бродянским и А.А. Крупянко в бухте Теляковского (Уссурийский залив, Японское море) [Бродянский, Крупянко, 2001], в слое, относящемся к янковской культуре раннего железного века (VIII – I вв. до н.э.). Сохранилась половинка керамической модели длиной 55 мм (рис. 6, 1). Судя по всему, изделие сломано посередине, а возвышения носа и кормы симметричны. Лодочка имела длину 110 мм, ширину по миделю 18 мм, высоту борта 12 мм, возвышение носа и кормы 24 мм. В днище вдоль продольной оси лодки сделаны две ямки диаметром по 2 мм – гнезда для мачты или балансира

либо для мачты и балансира. Отсутствие на модели следов наборного корпуса позволяет предположить, что изображена лодка-долбленка типа индонезийского прао (рис. 7, 9, 11).

Размеры долбленок определяли диаметр и длина ствола дерева. Найденные в Европе древние долбленки из дуба имели ширину 85 – 86 см, длину до 8 м [Савватеев, 1983, с. 187]. Отлично сохранившаяся костяная модель лодки-долбленки из древнеберингоморской землянки в Сирениках на Чукотке [Диков, 1977, табл. 129, 4] имеет отношение ширины к длине 1:7, а высоты к длине 1:11 (см. рис. 2, 2). На долбленках плавали по Амуру и выходили в море нивхи и ульчи [Прокофьев, Павлюченко, 1995], но нос и корма у этих лодок также не были высоко приподняты.

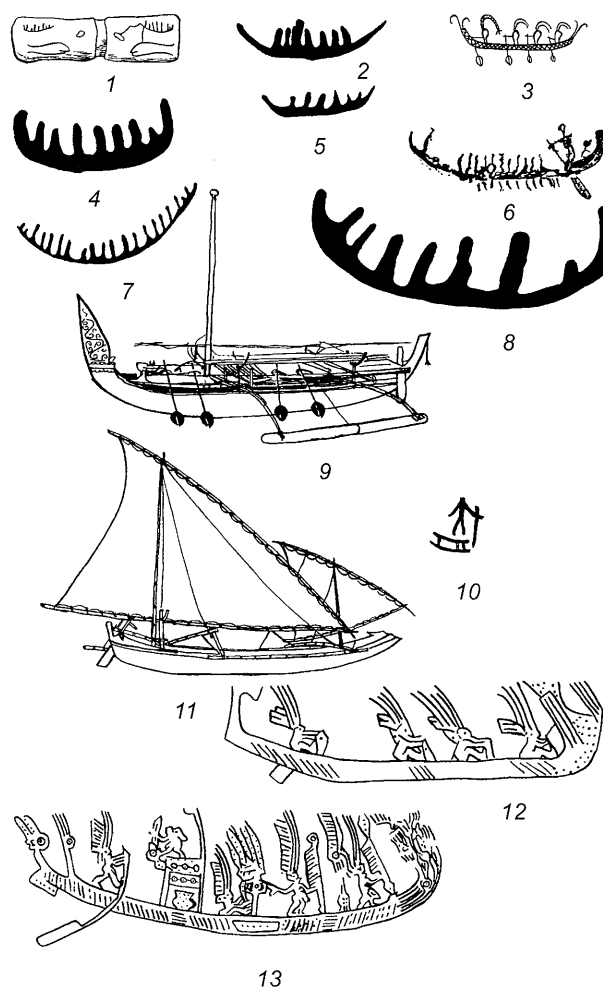

Рис. 7. Лодки Восточной и Юго-Восточной Азии.

1 – рисунок на костяном игольнике с поселения Невельского, охотская культура, Сахалин; 2, 4, 5, 7, 8 – амурские петроглифы; 2, 5, 8 – Калиновка, 4 – Сакачи-Аляя, 7 – Шереметьевское; 3, 6 – рисунки на керамике и бронзовых колоколах культуры яёй, Япония; 9, 11 – индонезийская прао; 10 – иньский иероглиф “трести” (по: [Крюков и др., 1978]); 12, 13 – изображения на бронзовых барабанах, Южный Китай.

В то же время лодки на амурских петроглифах в большинстве своем показаны с высоко и симметрично приподнятыми носом и кормой (рис. 7, 2, 4, 5, 7, 8) [Окладников, 1971]. Такая же лодка в сценах охоты на кита, выгравированных на костяных игольниках охотской культуры с поселения Невельского на Сахалине (рис. 7, 1) [Васильевский, Голубев, 1976, табл. LVIII, 6] и со стоянки Немуро на Хоккайдо [Голубев, Прокофьев, 1976, рис. 1, 1]. Похожие лодки изображены на керамике и бронзовых колоколах – дотаку культуры яёй (рис. 7, 3, 6) [Art..., 1999, с. 187, рис. 2, 3]. Почти вертикально вздымаются нос и корма у лодок, изображенных на барабанах Южного Китая [Вэнь Ю, 1954] и Юго-Восточной Азии (рис. 7, 12, 13). Все эти культуры синхронны или близки по времени янковской культуре. Каное с высокими носом и кормой делали в Полинезии [Те Ранги Хироа, 1959; Беллвуд, 1986], такое же каное видел И.Г. Вознесенский у индейцев Русской Америки в 1843 – 1845 гг. [Путешествия..., 1956, с. 377].

Кроме долбленок и лодок с наборным корпусом в Евразии известны легкие лодки-берестянки. А.П. Окладников описал модель такой лодки, найденную на Амуре [1968]. Высказывалась мысль о возможной связи берестянок и кожаных каяков, но вопрос: кто у кого заимствовал идею или эти типы судов возникли конвергентно – пока остается открытым.

Замечательной деталью янковской модели являются два гнезда в днище для крепления оснастки. Известно, были ли на утраченной части модели ямки и, если были, одна или две? Возможные варианты: 1) гнезда для мачты, передвигавшейся в зависимости от направления и силы ветра; 2) одно гнездо для мачты, другое – для балансира; 3) оба гнезда – для крепления балансира. Предложенная Д.Л. Бродянским и А.А. Крупянко [2001] реконструкция (см. рис. 6, 2) сделана по второму варианту, за основу взята индонезийская прао (рис. 7, 11). Южные происхождение и связи янковцев общепризнанны, и модель из бухты Теляковского вполне может быть генетически связана с Юго-Восточной Азией.

Лодки с балансиrom изображены на древних иньских иероглифических знаках. Например, иероглиф “грести” – изображение человека с веслом, стоящего на изогнутой лодке с балансиrom и тремя поперечными креплениями (рис. 7, 10) [Крюков и др., 1978, рис. 29, 15].

Отметим, что керамические модели лодок известны по материалам разных археологических культур Восточной Азии. Так, в одном из погребений эпохи Хань близ г. Гуанчжоу (Китай) обнаружена глиняная модель лодки рядом с моделью заливного рисового поля, на котором работают крестьяне [Крюков и др., 1983, рис. 21]. Это яркий пример использова-

ния лодок в древней аквакультуре – рыбоводстве на рисовых полях. Иногда керамические сосуды изготавливали в форме ладьи на высоком поддоне. Например, такая модель ладьи известна в искусстве Кореи V – VI вв. [Глухарева, 1982, ил. 56].

Заключение

Бойсманская культура – предтеча северных культур, янковская – северное крыло южных, и в той и в другой очевидна морская адаптация, дополненная у янковцев земледелием, животноводством, морской аквакультурой. Первые археологические свидетельства древнего судостроения в Приморье прекрасно согласуются с морскими отраслями экономики.

У всех коренных народов Дальнего Востока существует устойчивая традиция изготовления деревянных моделей лодок [Прокофьев, Павлюченко, 1995; Пономаренко, 2000; Гончарова, 2001], использующихся в ритуалах и быту. Находки в Приморье – древнейшие на сегодня свидетельства глубокой древности этой традиции. Не исключено, что модели, сделанные опытными судостроителями, служили также наглядными образцами при изготовлении лодок. Пример такой модели строящегося судна и ската для его спуска на воду известен у чжурчжэней (государство Цзинь) [Воробьев, 1983, с. 69].

Гипотезы, высказанные на XIV Тихоокеанском конгрессе в 1979 г. в Хабаровске, пока не подкреплены археологическими находками. Косвенно о палеолитическом возрасте судостроения свидетельствуют раннее появление шлифованных деревообрабатывающих орудий в Японии, фигурки тюленей и лососей в палеолитических материалах Приморья, геоглифы, изображающие кита, рыб, на Камчатке и в Корее и ряд других аргументов в пользу верхнепалеолитических корней морской адаптации. В неолите “морские” культуры – реальность, и Бойсмана II – тому убедительное доказательство, а северные устричники свидетельствуют о высочайшем уровне “морских” неолитических культур.

Список литературы

- Айгнер Дж.С.** Значение доберингийских прибрежно-морских адаптаций для понимания истории заселения Нового Света // XIV Тихоокеанский научный конгресс: Тез. докл. – М., 1979. – Т. 2. – С. 180.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – 208 с.
- Беллвуд П.** Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. – М.: Наука, 1986. – 542 с.
- Богораз В.Г.** Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

- Бродянский Д.Л., Крупянко А.А.** Модель янковской лодки из бухты Теляковского // Вестн. ДВО РАН. – 2001. – № 3. – С. 68 – 73.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине: Суусуйская стоянка. – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.
- Воробьев М.В.** Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 368 с.
- Вэнь Ю.** Гу тун лу [Рисунки и надписи на древних бронзовых барабанах]. – Шанхай: Шанхайская издательская компания, 1954. – 135 с.; 1 вкл. (на кит. яз.).
- Глухарева О.Н.** Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. – М.: Искусство, 1982. – 256 с.
- Голубев В.А., Прокофьев М.М.** Изображения животных и рыб в искусстве охотской культуры // Первобытное искусство. – М.: Наука, 1976. – С. 116 – 120.
- Гончарова С.В.** Традиционные водные средства передвижения народов северо-востока Азии конца XIX – начала XX века (по материалам фондов Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова) // Вестн. Сахалинского музея. – Ю.-Сахалинск, 2001. – № 8. – С. 228 – 239.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – 110 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978. – 343 с.
- Льюис Д.** Мы – навигаторы: древнейшее искусство открытия новых земель в Тихом океане. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. – 152 с.
- Ляпунова Р.Г.** Очерки по этнографии алеутов. – Л.: Наука, 1975. – 200 с.
- Мелетинский Е.М.** Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
- Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г.** Развитие природы юго-восточной части острова Сахалин в голоцене. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 130 с.
- Окладников А.П.** Тунгусо-маньчжурская проблема в археологии // История СССР. – 1968. – № 6. – С. 25 – 42.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Окладников А.П., Бродянский Д.Л., Чан Су Бу.** Тихоокеанская археология: Учебн. пособие. – Владивосток: Дальневост. ун-т, 1980. – 104 с.
- Пономаренко А.К.** Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Б.и., 2000. – 312 с.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Прокофьев М.М., Павлюченко Ю.Н.** Водный транспорт аборигенов Сахалина // Вестн. Сахалинского музея. – 1995. – № 2. – С. 243 – 257.
- Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842 – 1844 гг.** – М.: Географиз, 1956. – 455 с.
- Раков В.А.** Устрицы *Crassostrea gigas* из раковинных куч Южного Сахалина: интродукция, акклиматизация, аквакультура // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 25 – 36.
- Савватеев Ю.А.** Наскальные рисунки Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 216 с.
- Те Ранги Хироа (П. Бак).** Мореплаватели солнечного восхода. – М.: Географиз, 1959. – 254 с.
- Федорчук В.Д.** Керамика поселений с раковинными кучами с северного побережья залива Терпения // Вестн. Сахалинского музея. – 1998. – № 5. – С. 143 – 162.
- Флэдмарк К.Р.** Ранний человек в море // XIV Тихоокеанский научный конгресс: Тез. докл. – М., 1979. – Т. 2. – С. 216.
- Art of Bronze Bells in Early Japan / Eds. Makoto Sahara, Hideji Harunari.** – Tokyo: National Museum of Japanese History and the Mainichi Newspapers, 1999. – 264 p. (на яп. и англ. яз.).
- Hwang, Su Young, Moon, Myung Dae.** Ban-Gu Dae Rock Picture in Ul-Ju. – Seoul: Dongguk University, 1984. – 265 p. (на кор. и англ. яз.).

Материал поступил в редколлегию 20.11.02 г.

ТОРГАЖАКСКИЕ ГАЛЬКИ (основные аспекты изучения, интерпретация)

Введение

Поселение Торгажак расположено на юге Минусинской котловины в 2,5 км южнее улуса Полтаков (Аскизский р-н Республики Хакасия) на левом берегу р. Теи (рис. 1 – 3). Раскопки поселения проводились в 1988 – 1989 гг., частичное исследование – в 1990 – 1991 гг. Общая вскрытая площадь составляет более 1 300 м². В настоящее время это одно из наиболее крупных поселений эпохи бронзы на территории Южной Сибири. Все материалы поселения Торгажак опубликованы [Савинов, 1996].

Основной комплекс сооружений Торгажака включает пять расположенных П-образно крупных наземных построек прямоугольной и подквадратной формы с “площадью” посередине, открытой на восток. Размеры жилищ от 8,4 × 10,5 до 14,2 × 18,4 м. Жилища 3 – 5 были соединены узкими переходами, жилища 2, 3 имели специальным образом оформленные выходы на “площадь”. В основании жилищ находились неглубокий (около 0,5 м) котлован. В стенках жилищ 1, 3 были сделаны глубокие ниши. Все постройки каркасно-столбового типа, с четырьмя или шестью опорными столбами, ограничивающими центральную часть сооружения. Судя по отдельным хорошо сохранившимся участкам (жилище 5), по стенам были установлены деревянные нары. В 35 м к востоку от “площади” по той же оси раскопано еще два сооружения меньших размеров (жилища 6, 7), каким-то образом связанные с основным комплексом построек Торгажака (рис. 4 – 7).

Поселение погибло в результате пожара; при этом обитатели успели унести наиболее ценные (бронзовые?)

вещи. Три массивных бронзовых серпа (жилище 1) были найдены только потому, что их спрятали (в одной связке?) за “притолоку”. Жилище 3 сгорело полностью; в остальных в той или иной степени сохранились остатки деревянных конструкций (стен, покрытия, каких-то внутренних перегородок), “спрессованные” на дне котлованов. Судя по длине сохранившихся жердей перекрытия, высота наземной части сооружений составляла около 3,5 м. По конструкции жилища Торгажака очень напоминают якутские балаганы – *дыэ*, один из наиболее древних видов якутского жилища [Савинов, 1998]. М.А. Дэвлет удачно сравнила планы этих жилищ с некоторыми планиграфическими рисунками в петроглифах Горного Алтая, Тувы и Внутренней Монголии [1992]; это сходство является косвенным свидетельством широкого распространения построек подобного типа в эпоху поздней бронзы.

Ни в одном из жилищ Торгажака не зафиксированы долговременные очаги или какие-нибудь другие очажные устройства, необходимые для отопления столь крупных сооружений, особенно в суровых зимних условиях Хакасии. В углах некоторых построек обнаружены только скопления обожженных камней (типа печки-каменки?). Учитывая это, а также определения костей диких животных и данные о практически полном отсутствии развалов глиняных сосудов, можно предположить, что поселение было сезонным и использовалось, скорее всего, в весенний (или осенний) периоды.

По отдельным характерным бронзовым изделиям (обломки ножей, желобчатого браслета и двухъярусной бляшки, перстень с двумя сферическими выступами на щитке), роговым трехдырчатым псалям и